

ЭММА РУДКЕВИЧ

Развод
С ПРЕДАТЕЛЕМ.

ТЫ ЗАБЫЛ, КТО СЧИТАЛ
ТВОИ ДЕНЬГИ!

Эмма Рудкевич

**Развод с предателем. Ты
забыл, кто считал твои деньги!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Развод с предателем. Ты забыл, кто считал твои деньги! /

Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я вернулась из командировки с контрактом на миллионы. Дома меня ждали пустые шкафы, чужие духи и брачный договор с моей поддельной подписью. — Денис переехал ко мне, — сообщила его любовница. — А тебе оставил сорок миллионов долга. Муж забрал квартиру, заблокировал счета и выгнал меня из компании, которую я помогала строить. Теперь он хочет выставить меня мошенницей. Виктор Громов, опасный конкурент Дениса, предлагает защиту и место в своей команде. Но его интерес к моей беде совсем не бескорыстен. Я найду документы, раскрою офшорные схемы и заставлю предателя ответить. Только смогу ли я довериться мужчине, который привык превращать любовь в сделку?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эмма Рудкевич

Развод с предателем. Ты забыл, кто считал твои деньги!

Глава 1

Ключ вошёл, а повернуться не смог. Попробовала приподнять дверь за ручку — Денис всегда делал так, когда заедал замок. Ничего. За дверью ни телевизора, ни шагов. В одиннадцать вечера он должен был ждать меня здесь. Я привезла из Сочи контракт «Гранда»; за него мы собирались выпить пино нуар, припасённое к пятилетию свадьбы. Контракт был в сумке. С ужином Денис, видимо, опять не успел. Я упёрлась плечом в дверь и попробовала ещё раз.

Я позвонила ему. Один раз. Два. Три. «Абонент недоступен».

От двери тянуло ягодными духами. Я знала эти духи: после Леры приходилось проветривать приёмную. Здесь она тоже побывала. Меня потянуло проверить, не стоит ли кто за спиной; на площадке было пусто. На снимках компании Лера носила Dior, а Денис оставлял ей одно и то же «Босс». Я считала это его неудачной шуткой. Теперь почему-то вспомнился каждый такой комментарий. Ноги после самолёта мёрзли даже в туфлях. Я вспомнила про запасной ключ. Он лежал под ковриком у соседей сверху, старая привычка, которую Денис всегда высмеивал: «Анечка, мы же не в коммуналке».

Запасной ключ провернулся сразу. Я открыла дверь и несколько секунд стояла, не включая свет. В прихожую падал свет из окна; на обувной полке было видно мои туфли. Чёрных оксфордов Дениса не было. Я сама покупала их три месяца назад и помнила, как он жаловался, что жмут. Ни этой пары, ни других мужских ботинок.

— Денис? Вышло негромко. Я подождала, прислушиваясь: если он спал, должен был хотя бы перевернуться. Ответа не было.

В спальне обе дверцы шкафа стояли открытыми. Сначала я проверила свою половину: вдруг вещи просто переложили? На полках не было ни костюмов, ни платьев, ни свитеров. С висевших в ряд вешалок сняли даже старую рубашку. Внизу валялись несколько комков ткани. Я отодвинула их и полезла к задней стенке, за документы. Там у меня лежали паспорта и бумаги на квартиру. Всё забрали. Я провела ладонью до самого угла, как будто папка могла стать тоньше и остаться незамеченной.

Позвонила в банк. Робот велел ждать оператора. Телефон приходилось держать двумя руками, чтобы не уронить; я стояла перед зеркалом и слушала музыку ожидания. Лицо опухло после самолёта, ворот рубашки съехал набок. Раньше поправила бы его сразу. Сейчас смотрела на себя и никак не могла вспомнить, что говорить оператору первым. Про документы? Про счета? Сначала хотя бы дождаться ответа.

Кухонный свет оставили включённым. На скатерти лежала коричневая папка с завязками, рядом — судебный конверт. Я подошла, не сняв сумку с плеча. Это оставили для меня. Не забыли, как одежду в углу шкафа, а положили так, чтобы сразу нашла.

У стола пришлось поставить сумку на пол. Я держалась за столешницу, пока разбиралась с завязками папки. Простой узел никак не получалось развязать: пальцы путались. Наконец раскрыла её.

Брачный договор. Дата составления — сегодня. Подпись Дениса Соколова. И моя подпись. Я в этот день была в Сочи. На этой странице моего росчерка быть не могло. Перевернула лист, проверила дату ещё раз. Мы столько лет делали компанию вместе: я приводила партнёров, сводила отчёты по ночам, пока Денис спал. Он никогда не говорил, что я должна от всего

отказаться. Зато теперь мог указать на пункт 4.2: «Все активы ООО "Сокол Групп" переходят в единоличную собственность супруга Соколова Д.А. Супруга Соколова А.И. принимает на себя обязательства по поручительству долговых обязательств компании в размере...»

Я попробовала разделить сумму на свой годовой доход. В уме не получилось; начинать с калькулятора было страшно. Десять лет работы — и всё равно не хватит. Ниже стояла очень похожая подпись. Даже петля на первой букве наклонена как у меня. Кто-то потратил время, чтобы сделать её такой, а я весь день обсуждала в Сочи наш новый контракт.

— Это шутка, — пробормотала я вслух. Голос звучал чуждо, хрипло. — Денис, это плохая шутка. Ты просто проверяешь меня. Ты всегда так делал. Проверял мою лояльность.

Возвращалась к началу каждого пункта. Может, там есть условие, которое я пропустила? Нет, следующие строки добавляли только новый долг. Я уже не читала подряд, а искала свою фамилию и слова перед ней. За несколько страниц меня успели сделать обязанной всем. Я поставила ноготь под строкой, которую Лере или Денису придётся объяснить.

Телефон завибрировал. На экране имя «Лера». Положить телефон экраном вниз? Тогда придётся самой звонить ей позже. Я ответила и прижала его к уху, не сказав «алло».

— Анна? — Она произнесла моё имя так, как начинала звонки в приёмную. Будто сейчас попросит переключить на Дениса. — Денис просил передать, что ты не найдешь его. Он переехал. К нам. В нашу новую квартиру.

— Что? — переспросила я. Она сказала «нашу», и я никак не могла сообразить, о какой ещё квартире речь.

— Не устраивай сцен, Анечка, — она произнесла это так мягко, словно уговаривала капризного ребенка. — Это вредит репутации компании. Инвесторы могут нервничать. Если ты хочешь сохранить лицо, лучше подпиши все допсоглашения молча. Денис очень занят, он готовит презентацию нового ЖК. Ему не нужны твои истерики.

— Ты... — Я хотела спросить, давно ли это началось, но вслух сказала другое: — Вы украли мою жизнь.

— Мы защитили свои интересы, — поправила Лера. — А ты просто мешала. Знаешь, Денис часто говорил, что ты слишком умная для жены. Слишком много знаешь. Это опасно.

Она отключилась раньше, чем я успела спросить про вещи. Я ещё ждала ответа, хотя на линии уже было тихо.

Я ещё держала телефон возле уха, хотя Лера уже отключилась. Опустила его и нащупала стул за спиной. Посидеть бы. Только на минуту. Но садиться не стала: папка оставалась открытой. Она позвонила не признаться в связи с Денисом, а потребовать подпись. Они с ним успели договориться даже об этом.

Зазвонил телефон снова. Номер был неизвестный, но я знала, кто это. Юрист Дениса, Аркадий. Человек, которого я нанимала сама, которому платила зарплату из семейного бюджета.

— Анна Ильинична, добрый вечер, — его голос был деловитым и холодным. — Нам нужно срочно увидеться. В офисе. Есть вопросы по оформлению ваших личных гарантийных обязательств. Если вы не придёте в течение часа, банк заблокирует ваши карты. Все. До единого рубля.

— Вы шутите? — Мне пришлось убрать телефон от щеки: я прижимала его так сильно, что край корпуса вдавился в кожу.

— Никаких шуток, Анна Ильинична. Денис Александрович настоятельно рекомендует вам явиться лично. Для вашего же блага.

Он повесил трубку. Время было почти полночь. Аркадий предлагал мне за час добраться до офиса и разобраться с сорока миллионами, пока он стоял бы рядом с ручкой. А что, если я успею только испугаться? Они получают новую подпись — на этот раз настоящую. Я посмотрела на папку и поняла, что сейчас нельзя ехать даже за объяснениями.

Я посмотрела на трещину в экране телефона. Потом на папку на столе. Ручка лежала рядом с папкой. Они оставили даже ручку — чтобы мне не пришлось искать, чем подписать. Я отодвинула её к дальнему краю стола. Ночью в офис не поеду. Пусть Аркадий ждёт.

Я швырнула телефон в стену. Он ударился ребром, отскочил к плинтусу. По экрану разошлись трещины. Я осталась с пустой ладонью и смотрела, куда он упал. Не стало легче. Осталась папка, а позвонить кому-нибудь теперь можно было только со старого рабочего.

Я достала второй телефон, рабочий, старый. Позвонила подруге, Маше. Гудки. Потом автоответчик. Позвонила бывшей коллеге, Кате. Занято. Позвонила маме. Мама спит, мама не ответит, мама ничего не поймет. Я проверила, есть ли сеть: была. Значит, просто никто не ответил. Ни подруга, ни Катя, ни мама. Телефон продолжал искать собеседника, а я смотрела на открытую папку. Если кто-нибудь перезвонит, с чего вообще начать? «Денис ушёл» было слишком мало.

До стула я уже не добралась. Села прямо на пол у кухонного гарнитура и попробовала вытереть нос ладонью. Слезы текли быстрее. Я открывала рот, чтобы вдохнуть, а получалось только всхлипнуть. Хорошо хоть никто не отвечал на звонки: услышали бы всё это. Я прижала рукав к лицу, испачкала его, убрала — и снова заплакала.

За что? Я ведь проверяла его прогнозы, исправляла ошибки, а потом сидела в зале, пока он получал награду. Ни разу не спросила, почему благодарят только его.

Поднявшись, добралась до двери и задела пальто на крючке. В кармане хрустнула бумага. Пальто я повесила, когда вошла; это хотя бы осталось моим. Я вытерла лицо рукавом. Ноги гудели. Потянула пальто к себе. В кармане лежала визитка. Плотная, матовая бумага. Черная. Белыми буквами: Виктор Громов. Группа компаний «Северный ветер». И ниже, написанные от руки, твердым почерком: «Для разговора о будущем. Жду звонка.»

На визитке стояла вчерашняя дата. Громов передал её через организатора конференции в Сочи. Он знал? Денис ненавидел Громова и ни разу не принёс с переговоров с ним того, что обещал дома. На визитке был личный номер. Если позвоню, Громов поймёт, что я уже не могу обратиться к мужу.

Я положила визитку на папку, закрыв ею свою поддельную подпись. Громов мог захотеть слишком много. Но он хотя бы не рассчитывал, что я подпишу ещё один лист, лишь бы Денис вернулся. Нужно выяснить, что именно подделано. Найти копии. Остановить списания. Перебирать пункты было легче, чем смотреть на пустые полки: у каждого пункта могла появиться отметка «сделано».

Взяла визитку за края, чтобы не размазать написанный от руки номер. Прочла его ещё раз. Вспомнила взгляд Виктора на прошлой конференции. Холодные серые глаза, прямой, изучающий. Он не смеялся над Денисом. Он ждал ошибки.

Я достала блокнот. Тот самый, старый, в кожаной обложке, который Денис презирал («Анечка, у нас есть CRM, зачем тебе эти бумаги?»). Открыла первую страницу. Написала сегодняшнюю дату. Обвела её красной ручкой.

Телефон на полу, с разбитым экраном, мигнул. Вибрация. Новый вызов. На экране высветилось имя: Денис.

Я дождалась, пока имя Дениса погаснет на экране. Можно было перезвонить с рабочего. Он, наверное, уже приготовил объяснение — зачем меня оставили без вещей и с папкой. Я придвинула визитку. Сегодня хотя бы не буду помогать ему оправдаться.

Завтра я найду адвоката. Завтра я найду деньги. Завтра я напишу Виктору Громову. А сегодня... сегодня война началась.

Глава 2

В зале было холодно. Я застегнула пиджак, хотя утром собиралась сидеть на заседании с расстёгнутой пуговицей: так удобнее доставать бумаги. Денис уже занял место справа. Серый костюм я выбирала ему сама, ещё на прошлый день рождения. Он разговаривал с адвокатом и водил пальцем по краю папки. Я остановилась напротив. Мог бы хотя бы поднять голову. За пять лет я привыкла, что в чужом помещении сначала ищу его взгляд. Он моего не искал.

Сказать ему что-нибудь хотелось. Я даже начала и остановилась: услышала собственный дрожащий голос. У дальней стены Лера шепталась с адвокатом, держа ладонь у него на плече. Здесь она была своей. Мне же никто не предложил присесть. Так и простоять до начала заседания? Я придвинула ближайший стул, поставила сумку возле ноги. Денис всё ещё не поднял головы.

Судья, женщина с усталым лицом и очками на тонкой оправе, поправила микрофон. — Истец, предоставьте оригиналы документов по кредитным договорам, поручителями по которым выступает ответчица Анна Соколова.

Адвокат поднялся и положил перед судьёй стопку бумаг. Отчего-то важно было именно положить их с хлопком: все посмотрели на него прежде, чем он назвал сумму. — Ваша честь, все подписи подтверждены. Долги компании, оформленные на поручительство супруги, составляют сорок миллионов рублей.

Я взяла первую страницу и поискала подпись. Внизу стояло «Анна» — аккуратнее, чем я писала обычно. Не хватало завитка на последней букве. Я могла расписаться быстро, на весу, спросонья, но эту мелочь всё равно делала. Поднесла лист ближе: нет, его не скрывала плохая печать. Они забыли завиток.

— Ходатайство! — мой голос сорвался на крик. — Прошу назначить почерковедческую экспертизу! Это подделка! Я никогда не подписывала эти документы!

Денис повернулся лишь после того, как я потребовала экспертизу. До этого меня можно было не замечать. Теперь пришлось отвечать. — Анна, ты опять начинаешь драму? Мы же говорили о том, что бизнес требует жертв. Ты согласилась.

— Я ничего не подписывала!

— Подписала, — адвокат усмехнулся. — В соответствии с пунктом 14 брачного договора, заключенного три года назад. Если поручитель не предоставляет письменный отказ в течение пяти дней после уведомления о долге, он считается принявшим обязательства. Уведомление отправлялось вам электронно. Вы проигнорировали его.

Три года назад. Вечер пятницы. Денис протянул мне планшет с чашкой остывшего кофе. «Подпиши тут, скучная бюрократия, юристы требуют формальность ради налоговой оптимизации». Я была уставшей, злилась из-за совещания, которое затянулось до восьми. Чиркнула стилусом, не читая мелкий шрифт. Просто хотела спать. Мне хотелось отдать планшет и закрыть глаза хотя бы на минуту. Денис знал это. Он сидел рядом, держал чашку, пока я подписывала, и ни разу не предложил прочесть документ утром.

Судья сняла очки. — Вопрос об экспертизе будет рассмотрен после представления оригиналов. Сейчас в деле копии. Обеспечительные меры в отношении квартиры сохраняются до решения по существу. Следующее заседание через месяц.

Месяц. Я посмотрела на календарь в повестке, будто могла обнаружить другой срок. До него квартира останется под арестом, а оригиналы так никто и не принёс. Записала дату на обороте и обвела. Когда-нибудь на этом листе будет ответ: назначена экспертиза или нет. Сейчас нужно было заставить их предъявить бумаги.

В коридоре суда пахло пылью и старыми журналами. Денис вышел первым. Он не торопился. Когда я попыталась пройти мимо него к лифту, он преградил путь. — Ключи.

— Что?

— От машины. «Лексус». Он числится на тебе, но я уже переоформил его через фиктивную сделку с братом. Полиция может задержать тебя за самоуправство, если ты будешь ездить на чужом имуществе. Давай ключи. Сейчас.

Он говорил тихо, ласково, как учили в бизнес-школе. Глаза при этом оставались холодными. Я сжала связку в кулаке так сильно, что острые грани брелока врезались в ладонь. Боль помогла сосредоточиться. Хотелось бросить ему в лицо этот кусок металла, увидеть кровь, услышать визг. Он бы показал царапину судье и рассказал, как ему страшно рядом со мной. Я ослабила кулак, пока брелок не перестал резать ладонь. Ключи ему не достанутся.

Я разжала пальцы, но ключи не отдала. — Ключи останутся у меня, пока я не получу заверенную копию договора купли-продажи и выписки из ГИБДД. Ты же юрист, Денис. Ты знаешь процедуру. Без документов я буду считаться владельцем. А значит, любая попытка забрать машину будет квалифицироваться как угон. Хочешь проблем в полиции? Или хочешь, чтобы твой новый статус «чистого инвестора» треснул прямо сейчас?

Денис ещё держал ладонь для ключей. Я не положила на неё связку. Он убрал руку, и улыбка, с которой велел отдать машину, исчезла. — Ты изменилась. Раньше ты была удобной.

— Раньше я была женой. Теперь я кредитор. Пропускай.

Я прошла мимо него. Спина горела от его взгляда, но ноги шли ровно. У лифта я ещё раз проверила карман. Ключи были на месте. Он приказал — и не получил. Ничего огромного, всего лишь связка с потёртым брелоком, но её я сегодня удержала.

Вернувшись, я перешагнула через коробку у двери. Денис оставил то, что разрешил забрать: одежду вперемешку с посудой и книгами. Шкафы так и стояли открытыми. Я подняла с пола книгу и поставила на пустую полку, потом снова сняла. Зачем раскладывать, если надо увозить? Пока не было даже места, куда отвезти эти коробки.

Я достала телефон. Экран показал уведомление от HR-отдела «Сокола»: «Уважаемая Анна Соколова, доступ к рабочим аккаунтам приостановлен на время следственных действий по запросу генерального директора. Доступ к корпоративным системам прекращён».

Уведомление я перечитала три раза. Пока сидела в суде, мне закрыли доступ к отчётам, которые я сама составляла. У них были и мои файлы, и человек, способный объяснить любую строку, — но этого человека теперь удобно назвать посторонним. Я села между коробками на холодный кухонный пол. Опять заплакала. Злилась на слёзы, вытирала их и думала о том, как Денис спокойно улыбался адвокату. Он подготовился. Я пришла почти с пустыми руками.

Нужен был кто-то, кто знает, как работают такие схемы. Кто ненавидит Дениса больше, чем я. Кто сможет дать мне оружие.

Я набрала номер с вчерашней визитки. Виктор Громов. Инвестор из «Северного ветра». Человек, которому Денис уступал только после долгих совещаний и потом всю дорогу домой ругал за несговорчивость.

После пятого гудка захотелось сбросить: вдруг сейчас всё-таки ответит, а я не смогу объяснить? Я прочла фамилию на визитке ещё раз и осталась ждать. — Слушаю.

Он ответил без приветствия. Я ещё не назвала себя, и нужно было сделать это сразу, прежде чем он решит, что ошиблись номером.

— Виктор Александрович? Это Анна Соколова. Жена... бывшая жена Дениса Соколова. Мне нужна помощь. Или лучше сказать, мне нужно знать правду.

Тишина на другом конце провода длилась ровно три секунды. Затем Громов произнес, не повышая тона: — Я видел твою подпись в реестре залогодателей. Ты либо очень глупа, либо

очень смела, что пришла ко мне с этим. Почему я должен слушать жену человека, который пытается съесть мой рынок?

— Потому что эта подпись поддельная! — выпалила я. — Они хотят посадить меня за долги, которых я не создавала. Помогите мне доказать это, и я дам вам доступ к внутренним документам «Сокола». К схемам вывода активов.

Громов помолчал. Я слышала, как где-то далеко скрипнул стул. — Анна, — сказал он тяжело. — Ты ошибаешься в одном. На старом договоре подпись настоящая.

Я перестала слышать холодильник за спиной. — Что?

— Я проверял архивы «Сокола» за прошлый год. На старом договоре Денис не подделывал её. Он заставил тебя её поставить. Это не доказывает подлинность новых поручительств. Цифровой след стилуса, геолокация устройства, время входа в систему — всё совпадает с тем вечером, когда вы ужинали. Значит, дело не в краже данных или фальшивке. Дело в том, что ты сама стала соучастницей его схем, даже не зная этого. Ты не жертва случайности. Ты — пешка, которая двигалась по доске сама, потому что ей было лень читать правила игры.

Я убрала телефон от уха, посмотрела на номер и снова прижала трубку. Хотелось оборвать разговор. Но Громов знал о файлах, которых у меня не было, — ради них придётся выслушать и это. Я доверяла мужу. Он выбрал минуту, когда я едва держала глаза открытыми, а теперь Громов называл это ленью. На новые бумаги я согласия не давала — и не позволю смешать их со старым договором.

— Но я могу стать королём, если найду другого игрока, — прошептала я. — Дайте мне шанс.

Он рассмеялся прежде, чем я закончила. Я сжала визитку: согласие всё равно придётся выслушать, даже такое. — Приходи завтра. В офис «Северного ветра». Если не опоздаешь и не будешь плакать.

Повесил трубку.

В квартире стало совсем тихо. Только холодильник гудел где-то на кухне. Я посмотрела на свои руки. На большом пальце осталось красное пятно от брелока. Этой рукой я подписывала старый договор и гладила Дениса по спине, когда ему не спалось. Теперь ей же придётся написать, что я оспариваю новые подписи. Ручка была здесь. Я придвинула блокнот.

Глава 3

Я пришла в свой кабинет за копией договора. Если сейф закрыли, оставался ящик с черновиками: я знала, что там должно лежать. Но от двери было видно моё кресло. В нём уже кто-то сидел. Я остановилась, прижав сумку с ноутбуком к животу, и подождала, пока спинка повернется ко мне.

Лера устроилась с ногой на ногу, откинувшись на мою спинку. Платье я видела у неё рядом с Денисом на прошлой неделе — красное. Кружка в её руке была моя, с надписью «World's Best CFO». Смешной подарок, которым я действительно пользовалась. Она пила из неё маленькими глотками и смотрела, замечу ли я.

— Мне нравится твой вкус, Анна, — сказала она мягко, почти ласково. И поставила кружку обратно на стол, оставив влажное кольцо на бумаге.

Я шагнула к сейфу, где хранились черновики. Заперто. Лампочка осталась красной после второй попытки. Я убрала пальцы с панели, прежде чем Лера успела снова велеть мне не трогать сейф.

— Доступ к архиву заблокирован приказом гендиректора, — Лера даже не повернула голову. — Денис считает, что ты можешь навредить компании своими... эмоциями. Убери руки от документов, дорогая. Ты больше не имеешь права здесь находиться.

Она снова отпила, и на краю осталась помада. Я знала место для этой кружки: справа от клавиатуры, где легко достать, не глядя. Сейчас я никак не могла отвести от неё взгляд. Требовать вернуть? Она бы рассмеялась. Я ещё стояла перед закрытым сейфом, а уже понимала, что может оказаться труднее — забрать договор или выговорить Лере, что ей здесь не место.

Я выскочила в коридор. Сергей, наш главбух, человек, с которым мы вместе ночевали перед закрытием года, должен был подтвердить мою добросовестность. Он обещал. Мы выпили виски в пятницу, и он сказал: «Аня, я за тебя горой стою».

Переговорная комната была пуста. Или казалось, что пуста. В углу, за шторами, блеснул кусок белого воротника. Я ворвалась внутрь.

Увидев меня, Сергей уронил телефон. Не поднял сразу, только отступил от двери. Я уже поняла, что обещанного разговора сегодня не будет, но ещё не хотела верить.

— Аня, нет... — прошептал он, пятясь назад. — Пожалуйста, уйди.

— Ты же обещал! — мой голос сорвался на визг. — Нам нужны твои подписи, чтобы доказать подлог долгов!

Сергей держался за стол. Рядом лежал телефон, за которым он так и не наклонился; я уже не сомневалась, что он знает, зачем пришла.

— Мне пригрозили уголовным делом. Соккрытие информации, пособничество в мошенничестве... Денис знает, где учится моя дочь. Он знает, кто водит машину моей жены. Если я помогу тебе, я потеряю всё. Всё, Аня. Семью, карьеру, свободу. Оставь меня. Ради бога, просто уйди.

Сергей поднял телефон и спрятал в карман. На меня больше не смотрел. Мы столько раз сидели над одним балансом до утра. Мне казалось, после этого нельзя просто попросить человека уйти. Он попросил. Денису хватило назвать дочь и жену, чтобы Сергей перестал вспоминать обо всём остальном.

Я вышла в холл, чувствуя себя прокаженной. Нужно было забрать вещи. Коробки стояли у ресепшн, аккуратно сложенные. Я потянулась к ним, но путь мне преградил начальник охраны, Виталик. Раньше он открывал мне дверь и называл «Анна Ильинична». Сейчас его глаза смотрели сквозь меня.

— Извините, Анна Ильинична. Инструкция. Выход сотрудников с имуществом только по акту сверки. Без подписи бухгалтерии ни одна коробка не покинет здание.

— Бухгалтерия саботирует процесс! — рявкнула я. — Откройте двери!

— Нет акта — нет выхода.

В лифте я успела поплакать; у ресепшн стирала мокрые дорожки с щёк, пока коллеги проходили мимо. Две коробки стояли у ног. Можно было сделать вид, что уезжаю после обычного рабочего дня, если бы охранник не повторял про акт. Один из сотрудников свернул в боковой коридор, заметив меня. Другой уткнулся в телефон. Я перестала ждать помощи от каждого, кто подходил к турникету. Забрать бы свои вещи. Сегодня требовать приходилось даже это.

Лифт звякнул, двери распахнулись. Внутри стоял Денис. Он вышел в дорогом пальто. Шарф на нём был сухой. Значит, машина ждала у самой двери, пока я решала, какие коробки сумею унести.

— Анна, — он улыбнулся той самой улыбкой, от которой я когда-то таяла. Теперь от неё тошнило. — Ты задерживаешься.

— Верни мне мои документы, Денис. И заплати расчетные.

Он достал из кармана сложенный листок. Протянул его мне.

— Твоя трудовая книжка уже отправлена в отдел кадров. Формулировка «по соглашению сторон». Деньги за месяц не выплачены, потому что ты нанесла ущерб репутации компании своим скандальным поведением. Подпиши отказ от претензий, и вопрос решится быстро. Мы можем быть цивилизованными людьми.

В бумаге стоял отказ от претензий. Я дочитала до этой строки и посмотрела на Дениса. Он не обещал расчёт — он продавал мне мой же заработок за подпись. Лист дрожал в пальцах; с этим уже ничего не сделать. Но подписывать его не пришлось бы, если разорвать.

— Ты мразь, — сказала я тихо.

И разорвала листок пополам. Потом еще раз. Кусочки упали на ковровое покрытие лифта.

Я разжала пальцы. Последний клочок бумаги зацепился за рукав; стряхнула его туда же, к остальным.

У входа вода стекала с козырька прямо на ступени. Перешагнуть не получилось — туфли уже промокли. Машину изъяли приставы по фиктивному долгу, карты заморозили. На телефоне оставалось несколько процентов заряда.

У дороги некуда было спрятаться от дождя. В туфли затекла вода; я переступала с ноги на ногу, а становилось только холоднее. Поднимала руку проходящим такси — ни одно не остановилось. Из парковки выезжали знакомые машины. Внутри сидели сотрудники «Сокола»; кто-то садился с ними рядом, отряхнув зонт. Сначала я разглядывала лица. Потом перестала: им предлагали подвезти, а я всё ещё махала у обочины.

Номер Громова оставался в последних вызовах. Он велел прийти в офис; я ещё туда не дошла, а уже собиралась просить, чтобы забрал с дороги. Денис услышал бы и смеялся. Я вытерла мокрый экран о пальто. Пусть смеётся. Стоять здесь ещё час ради того, чтобы не попросить помощи, я не могла.

Я набрала номер. Один звонок. Три гудка.

— Да.

Громов не спросил, почему звоню опять. Его «да» осталось на линии, и мне пришлось самой сказать, что произошло.

— Это Анна Соколова. Мне нужна помощь.

Я ждала ответа и глядела на мокрый подол. Неужели сейчас спросит, почему не могу доехать сама?

— Жди.

Чёрный внедорожник остановился напротив, у самого бордюра. Сквозь тонированные стёкла не было видно водителя. Я ещё проверяла номер, когда открылась дверь: мне показывали, куда сесть.

Внутри было тепло. Пахло кожей и сигаретами. Виктор Громов сидел на заднем сиденье, читая планшет. Он не поднял глаз, когда я забралась внутрь, оставляя лужу на полу.

— Садись.

Села рядом с ним и подтянула ступни поближе, пряча лужу под туфлями. Виктор протянул полотенце. Белое, толстое — мне стало жалко его пачкать. Но он уже отпустил край, и я прижала ткань к лицу. Мокрые волосы остались снаружи; полотенце хотя бы не давало ему видеть, как я снова всхлипываю.

Он включил обогреватель на максимум. Жар ударил в лицо, размораживая щеки.

Виктор дождался, пока я вытерла лицо, и отложил планшет. На экране оставалась таблица «Сокола». Отвечать придётся про компанию, хотя я ещё не согрелась и не перестала всхлипывать.

— Денис уничтожил твою биографию, — сказал он ровным тоном. — Он не просто украл активы. Он сделал так, чтобы ты никогда больше не работала в финансовом секторе Москвы. Тебя занесли в черный список всех крупных компаний.

— Зачем ты это говоришь?

— Чтобы ты понимала масштаб проблемы. И чтобы ты знала решение.

Он повернул планшет экраном ко мне.

— Группа «Северный ветер» начинает поглощение активов «Сокола». Там хаос. Инвесторы нервничают. Им нужен кто-то, кто знает внутреннюю кухню Дениса. Кто может найти дыры в его защите.

— Ты хочешь использовать меня против него?

— Я хочу дать тебе возможность ударить в ответ. Стань моим советником. Получи защиту, доступ к архивам, деньги на юристов. Взамен ты работаешь на меня. Открыто. Без масок.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила я, сжимая полотенце так, что побелели костяшки.

Он усмехнулся на слове «помогаешь». Я уже жалела, что спросила: сейчас придётся услышать, сколько эта помощь стоит.

— Я не помогаю, Анна. Я инвестирую в месть.

Я перестала вытирать волосы и положила полотенце на колени. Громов не обещал ничего даром. Денису я была нужна удобной; этому — полезной. Второе хотя бы можно было обсудить до подписи. Но впервые за этот адский вечер я увидела не тупик, а выход. Возможность. Я спросила себя, согласилась бы на эти условия до развода. Да — если бы компания была моя и партнёр сразу назвал цену. Значит, и сейчас можно начать с цены, а не с благодарности.

Пусть они оба привыкнут: я ещё умею считать.

Виктор дал команду водителю. Машина тронулась.

— Куда мы едем? — спросила я.

— Сначала документы, потом дом, — ответил он, обращаясь к водителю. — Ты теперь мой сотрудник, Анна. И у меня нет времени на твои слезы.

Я посмотрела на туфли: с них всё ещё капало на коврик. Машина уже ехала, и никто не требовал объяснить эту лужу. Про документы придётся спрашивать самой. Только бы сначала немного согреться.

Глава 4

У «The Vault» я вышла из такси раньше, чем водитель успел остановить счётчик. До встречи оставалось двадцать минут. Дома всё равно не смогла бы дожидаться: там были пустые полки, разорванные шторы и запах чужих духов на подушках. Здесь будет человек, который хотя бы обещал поговорить.

В зале я выбрала стол у окна, подальше от гардероба. Теперь придётся сидеть на виду, с сумкой на коленях. Я поставила её на соседний стул, отодвинула меню. Если Громов придёт позже, всё равно дождусь — обратно ехать не хотела.

Мое серое шерстяное пальто я купила три года назад в ЦУМе. Теперь на подоле высохли брызги; среди безупречных кашемиров у входа они были слишком заметны. Я завернула край внутрь, когда садилась. В окне отражались мои впалые щёки. Я отвернулась от стекла: ещё двадцать минут смотреть на это лицо было бы слишком.

Бармен, парень с татуированными предплечьями и презрительной миной, скользнул по мне взглядом и отвернулся к другому клиенту. — Виски? — спросила я тихо. Он не ответил. Просто протер бокал дальше, делая вид, что меня нет. Он услышал меня — я видела, как остановилась салфетка в его руке, — и всё равно выбрал другого клиента. При Денисе мне подали бы меню прежде, чем я сняла пальто. Злость поднялась из желудка комом. Я достала из сумки термос с остывшим кофе, который сварила утром, и открутила крышку. Холодный кофе плеснул на край крышки. Я вытерла каплю салфеткой. Пусть смотрят. Пусть видят, что я могу пить дрянь из жестянки и улыбаться им в лицо.

Когда вошёл Виктор, администратор сама подошла за пальто. Я заметила это прежде, чем он увидел меня: ему здесь не приходилось просить. Он прошёл между столами, остановился напротив. Стул ему уже подвинули, а мой виски бармен всё ещё не принёс.

Он сел напротив, положив руки на стол. Пальцы длинные, костлявые, с коротко стриженными ногтями. — Ты выглядишь как человек, который уже проиграл, — сказал он. Я ещё надеялась заказать что-нибудь, чем занять руки. Он сразу начал разговор, ради которого я пришла. Я сжала челюсти так, что заныли зубы. — А ты выглядишь как тот, кто только начал выигрывать, — парировала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Виктор улыбнулся только после моего ответа. Не предложил поправиться, взять слова назад. Это неожиданно помогло: я хотя бы не разговаривала с человеком, который ждал извинения. Он достал из кармана сигарету, щелкнул зажигалкой. Огонек отразился в его темных глазах. — Курить будешь? Я никогда не курила. При Денисе это было запрещено: «Ты должна пахнуть приятно, Аннушка, иначе тебя не захочется целовать». Идиотская фраза, которая теперь резала уши. — Нет, — сказала я. — Жаль. Никотин помогает думать ясно. Он затянулся, выпустив струю дыма вверх. Дым пошёл к потолку, но мне всё равно пришлось отодвинуться. Теперь мы сидели слишком далеко для разговора вполголоса. Податься ближе к нему пока не хотелось.

Я положила на стол свой телефон. Экран светился включенной трансляцией новостного канала. — Посмотри, — приказала я. На экране Денис, в идеальном костюме, говорил в микрофоны журналистов: «...в компании назрела необходимость очищения от токсичных элементов. К сожалению, некоторые сотрудники злоупотребили доверием и пытались саботировать проекты. Мы будем строго пресекать любые попытки дискредитации имени "Сокол"...» На записи он ни разу не назвал меня, и всё равно каждый сотрудник поймёт, о ком речь. «Токсичные элементы» — это я. Ещё недавно он хвалился перед журналистами нашим финансовым директором. Теперь любой мой вопрос о долгах заранее станет попыткой испортить ему репутацию. Я остановила ролик на его лице и пододвинула телефон Громову.

Виктор даже не взглянул на экран. — Знаю, — бросил он. — Лера хорошо работает. Она всегда знала, куда давить. Лера. Его бывшая жена. Та самая модель, которую Денис привел

в компанию как «ассистента», а сделал любовницей и соучастницей. — Почему ты помог ей тогда? — спросила я. Я ждала ответа, стараясь не кашлянуть от дыма. Он прижал сигарету к краю бокала. Я посмотрела на пепел: бармен это, конечно, заметит, но ему замечания не сделает. — Потому что она умнее тебя. И потому что Денис — это бизнес. А бизнес не имеет морали. У него есть только баланс. Твой баланс сейчас отрицательный, Анна. Он склонился ближе. Запах его кожи стал отчетливее, смешавшись с горьким табаком. — Условия сделки просты. На этой неделе у Дениса закрытая вечеринка для инвесторов. Будут обсуждать схему вывода активов через офшоры. Тебе нужно туда попасть. Записать разговор. Скрытый микрофон. Я дам тебе устройство. Я отшатнулась, будто он ударил меня. — Шпионить? Я финансовый директор, а не оперативник ФСБ! У меня диплом, опыт, репутация... — Репутация? — Виктор рассмеялся, но смех был сухим, как шелест бумаги. — Твой диплом — это теперь только бумажка для подтирания слез. А репутацию Денис уничтожит к завтрашнему утру. Если ты не сделаешь этого, он подаст заявление о краже корпоративных данных. Лера уже готовит документы. Завтра полиция заберет тебя прямо из подъезда. Под конвой. Для телекамер. Меня затошнило. Лера и правда могла позвать камеры к подъезду. Охрана в офисе уже не слушала меня; почему полицейские станут слушать? Я посмотрела на телефон. Здесь был номер адвоката, которому пока не успела позвонить. — Или? — прошептала я. — Или ты работаешь на меня. Ты получаешь защиту, аннулирование фиктивных долгов и место в моей команде. Но ты платишь за это своей совестью. Становишься приманкой.

Я потянулась к телефону. Пока он объясняет условия, можно хотя бы написать адвокату. Виктор перехватил запястье раньше, чем я коснулась экрана. Больно. Пришлось оставить ладонь раскрытой: сжать пальцы он не давал. — Договоры пишутся кровью, а не чернилами, — тихо сказал он. Его глаза были рядом. Слишком близко. Я видела расширенные зрачки, в которых отражалась моя испуганная рожица. Я должна была вырваться. Должна была оттолкнуть его руку. Но тело замерло. Я смотрела на его пальцы и помнила: Денис такой хватки испугался бы. От этого было жарко и стыдно — я просила помочь, а успела подумать, как он прижмёт к стене моего мужа. Но мою руку он должен отпустить. — Отпусти, — хрипло сказала я. Он разжал пальцы. Я отодвинула руку к себе, растирая запястье, и подождала, пока перестанет пульсировать кожа. — Решай, Анна. Время истекло.

Я подождала, пока он уберёт руку со стола. Тогда можно было наконец договорить своё условие, не заботясь, как вырваться. — Мне нужен доступ к серверу «Северного ветра», — сказала я. — Я проверю твои цифры. Я не верю никому. Даже тебе. Он посмотрел на телефон, к которому я так и не притронулась. Вместо звонка адвокату я потребовала его архив. Похоже, такого ответа он не ждал. — Проницательная сука, — мурлыкнул он. — Мне нравится. Он полез во внутренний карман пиджака и достал маленькую флешку, черную, матовую. Положил на стол между нами. — Ключи доступа. Архивы. Все, что ты хочешь видеть. Но помни: если ошибешься, я буду знать, что ты слаба. А слабых я не держу.

Я схватила флешку. Она была теплой от его тела. — Я не слабая, — отрезала я. — Докажи, — сказал он и встал.

На улице я наконец распрямила пальцы. После его хватки запястье ныло; на холоде я прикрыла его рукавом. Хотелось уйти от бара подальше, прежде чем Громов передумает и догонит с новым условием. Поэтому шла быстро, обгоняя прохожих, и не смотрела на витрины. Флешку я положила во внутренний карман, а телефон держала в руке. Дома открою архив. Начну с сумм, на которые ссылался Денис: цифры можно сверить, в отличие от обещаний Громова.

У подъезда моего нового временного убежища — маленькой однушки на окраине, снятой на последние деньги — стоял Денис. Денис ждал у машины с электронной сигаретой в руке. Шарф был заправлен так, как я поправляла ему раньше. Он улыбнулся, заметив меня, будто встречал после обычной поездки. За его спиной, в тени двора, маячили две фигуры охранни-

ков. Они блокировали вход. — Аннушка, — протянул он. — Давай поговорим по-человечески. Я просто хочу вернуть твои вещи. И объяснить, что ничего личного. Просто бизнес. Денис вглядывался в моё лицо, пока я подходила. Если расплачусь, ему даже не придётся объяснять своё появление: начнёт утешать, а потом потребует, чтобы слушалась. Телефон Дениса был у него в руке. Если я сорвусь, он запишет всё. Я остановила взгляд на двери подъезда: до неё оставалось пройти мимо его плеча. Он не убирал телефон. Я смотрела на его руку, а потом подняла глаза к лицу. Удобной встречи для записи не получится. Не сегодня. Его улыбка дрогнула. Он ожидал крика, оскорблений, просьб. Я прошла мимо него. Плечом к плечу. Почувствовала запах его одеколона — дешёвый, приторный, фальшивый. Не повернула головы. Не замедлила шаг. За спиной он перестал говорить. Я не проверяла, как он теперь выглядит: впереди оставалась дверь, до которой нельзя было дать себя остановить.

Дверь подъезда скрипнула, выпуская меня внутрь. Темнота лестничной площадки встретила меня гулким эхом шагов. Дошла до квартиры. Третий этаж. Ключи дрожали в руках, звеня о замок. Зашла. Щелчок выключателя. Свет лампы упал на старый рабочий ноутбук, который остался у меня после выселения. Единственная вещь, которую Денис забыл забрать, считая ее бесполезной железкой. Я вставила флешку. Экран ожил, подсветив мою бледную кожу. Появилась загрузка файлов. Папки с именами клиентов, транзакции, схемы. Золото. Моя месть. Поверх открытых папок появилось сообщение. Отправителя я не знала. Прочла строку, затем снова проверила номер:

«Он знает, что ты здесь. Беги».

Сердце пропустило удар. Кто это? Виктор? Или Денис? Или кто-то третий, кто наблюдает за нами обоими? Я захлопнула ноутбук и подхватила сумку. После визита Дениса оставаться здесь одной было глупо. Ночь проведу в другом месте, а утром проверю файлы — без подключения к сети.

Глава 5

Свой бейдж я так и не выбросила. У входа в «Сокол» достала его из кармана пальто и разгладила большим пальцем угол фотографии. Неделию назад охрана пропускала меня, не дожидаясь сигнала. Сегодня пришлось встать перед турникетом, как любому посетителю. Приказ о блокировке мог уже пройти по всем входам. Но вдруг на этом ещё нет?

Приложила бейдж. Считыватель мигнул красным. Ещё раз, вдруг пластик не попал к нужному месту? Тот же писк. На экране оставалось «Заблокировано». Теперь нужно было посмотреть на охранника, хотя хотелось просто уйти.

— Извините, — пробормотала я охраннику, который даже не поднял глаз от телефона. — У меня сбой системы, я Анна Соколова, мне нужно войти...

Охранник наконец посмотрел на меня. Его лицо не изменилось, но в глазах мелькнуло узнавание. Он медленно потянулся к микрофону гарнитуры. — Смена, третий вход. Бывшая жена гендиректора пытается прорваться по старому доступу. Вызывайте службу безопасности.

Он называл меня бывшей женой вместо фамилии. Я убрала бейдж, пока он говорил в гарнитуру. Ещё немного, и к этому входу подойдут те, кого он вызвал. Повернула к выходу: спорить здесь бесполезно. В здании был служебный проход для доставок. Я знала, где он, и там хотя бы не успели рассмотреть моё лицо.

Я отвернулась, делая вид, что проверяю телефон, и быстрым шагом пошла вдоль забора к служебному входу для доставки. Там уже собралась толпа курьеров и офисных работников, спешащих домой. Воздух здесь был грязнее, пахло жареным мясом из соседней шаурмы и сигаретным дымом.

Мой телефон завибрировал. Одно сообщение. От Виктора Громова. «Не торопись, Анна. Сначала выполни то, о чем мы говорили. Курьер с синей сумкой. Флешка внутри. Не дай ему уйти.»

«Сам догоняй», — захотелось написать в ответ. Но я подняла голову и стала искать синюю сумку. Парень с ней стоял в стороне от других курьеров. Оглядывался к выходу, прижимал сумку к себе. Ему было лет двадцать пять, и он уже выглядел так, будто ждал неприятностей. Я убрала телефон. Он меня ещё не видел.

Курьер стоял возле выхода. Я сделала к нему шаг и остановилась: как потом объясню, откуда взяла его сумку? Громов мог пообещать защиту, но бежать за чужим человеком предстояло мне. На экране всё ещё было «Не дай ему уйти». Я посмотрела на парня. Он уже собирался двигаться. Сорок миллионов не исчезнут, если я сейчас отвернусь. Придётся догнать и потом разбираться, какой ценой досталась флешка.

Он наконец заметил меня. Прижал сумку ближе к груди и повернул к людям, выходящим из лифта. Я поняла, что разговаривать он не собирается. — Стой! — крикнула я, но голос сорвался на хрип.

Курьер быстро проходил между людьми; я всё время должна была просить пропустить. Побежала, едва не подвернув ногу в новых туфлях. Бок сумки то появлялся, то исчезал за чужими куртками. Ещё несколько секунд — и синего не стало видно совсем, только поток к метро.

Я остановилась, согнувшись, чтобы перевести дыхание. Курьера заслонили люди у метро, но синяя сумка снова показалась между пакетами двух женщин. Если опять побегу за ним, не догоню. Он всё время смотрел назад. Нужно было оказаться перед ним — там, куда пока не смотрел.

Я увидела того самого курьера. Он пытался проскользнуть между двумя женщинами с пакетами. Не раздумывая, я шагнула прямо перед ним. Подскользнулась на влажной плитке и

упала. Громко, театрально, больно. Колено ударило о камень, отдавая острой вспышкой боли вверх по ноге. Сумка вылетела из его рук, задев моё плечо.

Люди вокруг вздрогнули. Кто-то вскрикнул. Парень замер, виновато глядя на меня сверху вниз. — Черт! Простите! Вы целы? — он протянул руку, чтобы помочь мне встать.

Именно в эту секунду, пока все внимание было приковано к моему падению, я схватила его за запястье второй рукой и рванула сумку к себе. Он инстинктивно дернулся, но я уже держала её крепко. — Держите! — крикнула я кому-то в толпе, указывая на него. — Он меня толкнул!

Парень пытался объяснить, что не толкал меня. К нему повернулся охранник служебного входа. Я поднялась, забрала сумку и проскользнула мимо поста, пока там смотрели на курьера. Колено мешало бежать. До лифта добралась быстро, но внутри никак не могла успокоить дыхание.

В лифте я посмотрела на колено. Колготки разошлись, кожа саднила. Ни привести себя в порядок, ни придумать объяснение синей сумке не успела: двери уже открылись на седьмом, у администрации.

Лера вышла из кабинета напротив, со стаканом кофе. Остановилась перед открытым лифтом. Я ещё не успела шагнуть в коридор, а она уже разглядывала колено, сумку, моё лицо. От удивления даже рот приоткрыла. Потом повернулась к пустому месту у охранного поста.

— Что ты здесь делаешь? — Лера посмотрела за моё плечо, но лифт был пуст. — Охрана! Где охрана?!

Лера подошла ближе и скрестила руки. Теперь для выхода из лифта придётся задеть её плечом. Я придержала синюю сумку: отдать её ради того, чтобы спокойно разойтись, не собиралась. — Ты потеряла голову, Анна? Или думаешь, что можешь вот так просто врываться в чужую жизнь? — она усмехнулась. — Тебя здесь быть не должно. Сейчас придут ребята, и ты покинешь здание. В наручниках, если повезет.

До телефона было трудно добраться, не выпустив сумку. Я прижала её локтем и нащупала карман. Виктор говорил: «Они боятся не закона, они боятся правды». Сейчас проверим, что для Леры страшнее моего появления. Я молча достала телефон. Открыла галерею. Показала ей экран.

На фото была переписка. Не с Денисом. С Лерой. Имя контакта было скрыто, но аватарка и стиль общения были узнаваемы. Там были детали их сделки с офшором на Кипре, которые она сама отправила помощнику Дениса, думая, что тот не передаст информацию дальше. Фото было сделано Виктором два дня назад, когда он "случайно" увидел её открытый ноутбук в ресторане.

Лера потянулась к телефону так быстро, что задела мой рукав. Я отвела экран к себе. Стакан в другой её руке накренился; она успела выпрямить его, но спорить уже перестала. — Ты сошла с ума, — прошипела она, но в её голосе больше не было уверенности. Только дрожь.

— Уходи, Лера, — сказала я спокойно, глядя ей прямо в глаза. — Пока я не начала звонить журналистам.

Лера ещё посмотрела на экран, бросила кофе в урну и ушла по коридору. Я убрала телефон только после того, как перестала слышать её каблуки. Она могла позвать охрану за углом. Но прямо сейчас путь оставался свободным — и надо было им воспользоваться.

Глава 6

Но архив был дальше. Серверная комната находилась в конце коридора, за двойной дверью с электронным замком. Я подошла к панели управления. Экран светился красным: «Доступ запрещен». Биометрия. Отпечаток пальца владельца. Дениса.

Я прислонилась лбом к холодной металлической поверхности. Как попасть внутрь? Взломать? У меня не было навыков хакера. Вызвать техников? Они сообщат Денису. И тогда я вспомнила. Старая квартира Дениса, до нашего брака. Он всегда жаловался, что цифровые системы ненадежны. Он носил кольцо — тяжелое, серебряное, с гравировкой «Sokolov». Однажды он показал мне, как этим кольцом можно открыть старый механический замок в кладовке, если повернуть его особым образом, используя зубцы как ключ. Это было его детское воспоминание, его слабость. Он верил в аналоговые дыры в цифровом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.